This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK221
T4
1878 B

ОТВѢТЪ

STANFORD
LIBRARIES

НА

ПИСЬМА КЪ УЧЕНЫМЪ ЛЮДЯМЪ.

П. Цитовича.

ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

ОДЕССА.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Г. УЛЬРИХА, КРАСНЫЙ ПЕРЕВОЛОКЪ. ДОМЪ ШКАРЦА, № 3.
1878.

РОСПИСКА.

Въ теченіи двухъ послѣднихъ недѣль, при посредствѣ почты, мнѣ подкинуто нѣсколько анонимныхъ писемъ изъ Петербурга. Письма бывали открытыя и закрытыя, въ стихахъ и въ прозѣ, писаны почеркомъ и палочками.

Сегодня, все тѣмъ же средствомъ, подкинуто еще ругательное письмо, но уже за подписями цѣлаго роя неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, именующихъ себя: «студенты Императорской Медико-Хирургической Академіи». Какъ и письма предыдущія, это соборное посланіе, кромѣ брани, ничего другаго не заключаетъ.

Въ полученіи всей этой корреспонденціи и даю настоящую росписку.

П Цитовичъ.

Одесса,
1878 г Ноября 18.

Дозволено Цензурою. Одесса 23 ноября 1878 г.

ОТВѢТЪ

НА

ПИСЬМА КЪ УЧЕНЫМЪ ЛЮДЯМЪ.

П. Цитовича.

ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

ОДЕССА.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Г. УЛЬРИХА, КРАСНЫЙ ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ ШВАРЦА, № 3.
1878.

Дозволено Цензурою. Одесса, 17-го ноября 1878.

ОТВѢТЪ

на

ПИСЬМА КЪ УЧЕНЫМЪ ЛЮДЯМЪ.

Милостивый государь!

Безъ вины виноватъ предъ вами: до сихъ поръ не далъ отвѣта на ваши «*Письма къ ученымъ людямъ*» *). Отвѣчать нужно на оба посланія, насколько и въ письмѣ № II, адресованномъ не ко мнѣ, вы затронули одну и ту же тему и не разъ помянули меня. Промедленіе произошло оттого, что письма появились въ то время, когда меня не было въ Россіи; я узналъ объ нихъ лишь нѣсколько дней назадъ, возвратившись домой. Въ предѣлахъ возможности — спѣшу исправить невольную проволочку.

Отвѣтъ на письма публикую отдѣльной брошюрой. Это прежде всего потому, что «наше сословіе» не распоряжается органами періодической прессы. Кромѣ того, форма летучей брошюры имѣетъ то удобство, что нѣтъ надобности соображаться съ чужими интересами и вкусами.

Теперь къ дѣлу.

Я не стану распространяться о той части вашего перваго письма, которая, такъ сказать, случайнаго характера; брань, направленная лично противъ меня, могла бы быть оставлена безъ вниманія. Брань, повидимому,—вашъ промыселъ; а во всякомъ обществѣ, кромѣ промысловъ необходимыхъ, есть и промыслы тер-

*) См. Отечественныя Записки 1878 г. №№ 6 и 7.

пимые. Кромѣ того, «наше», т. е. ученое сословіе, какъ извѣстно, всегда отличалось безотвѣтностью. Мало-ли что съ нимъ продѣлывали и продѣлываютъ не только вы, т. е. «ваше сословіе», но и разные другіе, кому, быть можетъ, слѣдовало бы поступать иначе? Да притомъ, обруганъ не я одинъ, но за-одно съ г.г. Герье и Чичеринымъ; а на людяхъ, какъ извѣстно, и смерть красна. Мало того: я даже готовъ благодарить васъ за то, что изъ вашихъ писемъ впервые узналъ о книгѣ г.г. Герье и Чичерина; книги не было здѣсь въ маѣ мѣсяцѣ, какъ нѣтъ и по сей день.

Точно также, нѣтъ особенной надобности препираться, — съ вами или съ кѣмъ другимъ, — по вопросу объ ученыхъ подвигахъ Посникова. О чемъ же тутъ препираться? Если бы вы или кто другой требовали отъ меня новыхъ подтвержденій моего мнѣнія объ этихъ подвигахъ, я могъ бы еще считать себя обязаннымъ удовлетворить такому требованію. Но вѣдь рѣчь не объ этомъ: вы сами чувствуете, что никакихъ новыхъ подтвержденій здѣсь не нужно, что и безъ нихъ негодность работъ Посникова яснѣе божьяго дня, а непричастность автора къ политической экономіи и ко всякой другой «заправской наукѣ» граничитъ съ непочатостью. Потому, вы не пытаетесь стать на почву доказательствъ, ограничиваясь замѣчаніемъ, что если работа Посникова составлена и «мошенническимъ образомъ» («c'est le mot» — поясняете вы); то все же его нужно похвалить за «хорошую сущность дѣла» и за «ту точку зрѣнія, на которую онъ всталъ». Для меня, разумѣется, не такъ еще очевидна доброкачественность «сущности» самаго «дѣла». А потомъ, — по вопросу о сочетаніи мошенничества съ хорошей сущностью не всѣ, конечно, раздѣлятъ ваше мнѣніе. Но это одинъ изъ тѣхъ пунктовъ человѣческихъ разногласій, которые рѣдко устраняются взаимными доводами противниковъ; значитъ, мы съ вами такъ и будемъ оставаться, — каждый при своемъ мнѣніи.

Далѣе, не разъ, а раза четыре, вы ставите мнѣ на видъ то обстоятельство, что Посниковъ — мой товарищъ по службѣ

въ университетѣ; товарищей же не обнажаютъ [redacted]
Но прежде всего, позвольте спросить, [redacted]
кто я и кто Посниковъ? Ни въ книжкахъ [redacted]
ни въ моей брошюрѣ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. [redacted]
добыли ихъ путемъ частныхъ справокъ. Но такой [redacted]
всегда надежный; и потому, казалось бы, не долженъ имѣть мѣста въ литературѣ, не будь она въ рукахъ «вашего сословія.» Ваши справки, дѣйствительно, не вполнѣ точны, если вы полагаете, что Посниковъ—мой соперникъ по спеціальности. Положимъ, въ данномъ случаѣ неточность особаго значенія не имѣетъ. Но я указалъ на нее въ напоминаніе, что ваше приглашеніе всѣхъ и каждаго доставлять вамъ свѣдѣнія о профессорахъ для дальнѣйшихъ писемъ есть приглашеніе къ сплетнямъ.

По поводу упрека въ нарушеніи мною правилъ товарищества еще одно замѣчаніе. Хорошо это или дурно, но я, дѣйствительно, не такой поклонникъ узъ товарищества, чтобы ради нихъ молчать, когда обязанъ говорить. А говорить о Посниковѣ я былъ обязанъ въ силу той отвѣтственности, какая лежитъ на мнѣ какъ на членѣ факультета и совѣта; что́ говорилось изустно и письменно, повторено въ печати со всѣми доказательствами. Наконецъ, я всегда помню тотъ фактъ, что на узы товарищества обыкновенно ссылаются тамъ, гдѣ ни на что другое сослаться нельзя; напр., когда нѣтъ оправдательныхъ документовъ въ израсходованіи казенныхъ или вообще чужихъ суммъ.

Но ваша злость на меня за Посникова вполнѣ понятна. Вы (а не я,—примите къ свѣдѣнію) причисляете его къ вашимъ, т. е. къ людямъ «новаго направленія научной мысли». А между тѣмъ, какъ вы сами же замѣчаете, всякій, кто прочтетъ мою рецензію, невольно скажетъ: «эге! вотъ они каковы защитники общины и новаго слова въ наукѣ»! Но я то чѣмъ виноватъ? Вы вотъ тоже поборникъ «общины и новаго слова въ наукѣ»; а между тѣмъ, въ отечественной географіи хромаете: въ письмѣ второмъ, къ г.г. Герье и Чичерину, Полѣсье, напр., помѣщаете въ Малороссіи. Впрочемъ, въ томъ же письмѣ вы

съ успѣхомъ доказали, что для людей «новаго слова» излишни познанія въ арифметикѣ, географіи и въ другихъ «заправскихъ наукахъ». Въ самомъ дѣлѣ,—и безъ такихъ познаній можно оставаться сыномъ своихъ родителей, хорошимъ патріотомъ и русскимъ журналистомъ; лишь бы «сущность дѣла» была хороша, остальное только сушитъ умъ и сердце. Точь-въ-точь та барышня, что на пріемномъ экзаменѣ въ пансіонъ отказалась отвѣчать изъ четырехъ правилъ арифметики, ссылаясь на то, что она занималась соціальными вопросами и потому не имѣла времени позаняться арифметикой. Дѣйствительно, русскому ли соціологу заниматься такими предразсудками, когда для арифметкики есть учителя народныхъ школъ, а для географіи—кондукторы желѣзныхъ дорогъ?

Теперь перейдемъ къ другой части вашего письма, которая направлена уже не противъ меня лично, а противъ всего «нашего сословія». Она то и важна; безъ нея не было бы настоящаго отвѣта.

Я тоже буду (какъ и вы) говорить здѣсь не только за себя, но и за другихъ членовъ своего сословія. Довѣренности на это у меня, правда, нѣтъ; но у васъ ея тоже не было; значитъ,—волонтеръ противъ волонтера. Далѣе: вы сочли нужнымъ оговориться, что не всѣхъ своихъ собратовъ считаете солидарными съ вами, и потому говорите не за всѣхъ. Я также готовъ сдѣлать подобную оговорку, и не стану отстаивать всѣхъ своихъ собратовъ на-проломъ. Нѣтъ спора, что въ нашемъ сословіи найдутся и такія исключенія, которымъ слѣдуетъ быть съ вами, т. е. въ рядахъ вашего сословія, если не въ иномъ, болѣе увеселительномъ мѣстѣ. Но съ другой стороны, въ рядахъ вашего сословія, несомнѣнно, есть лица, которымъ мѣсто среди насъ, а не съ вами. Потому,—обращаясь къ вамъ и къ вашему сословію, я дѣйствую съ разборомъ: не имѣю въ виду всѣхъ тѣхъ, по мнѣнію которыхъ незнаніе правилъ арифметики составляетъ существенную помѣху заниматься соціальными вопросами, все равно, въ роли журналиста или въ роли профессора.

За что же, собственно, вы, т. е. ваше сословіе, такъ сер-

диты на профессоровъ? Вы ставите намъ въ укоръ разныя разности, которыя, впрочемъ, не совсѣмъ ладятъ одна съ другой. Такъ, мы виноваты въ томъ, что мало дѣлаемъ и даже не пользуемся, какъ слѣдовало бы, трудами заграничныхъ профессоровъ. Казалось бы, не вамъ упрекать насъ въ этомъ; сами же говорите, что, напр., нѣмецкіе профессора — все тѣ же профессора, наши «собраты по оружію»; что ихъ наука есть «профессорская наука», а не та «новая», которую нужно водворить въ Россіи; что и въ Германіи эта «профессорская наука» «не отличается ни глубиной, ни послѣдовательностью мысли». Вы знаете, конечно, что не такъ давно въ одномъ изъ органовъ «новаго слова» Вирховъ обруганъ именно за отсутствіе глубины и послѣдовательности мысли. Въ томъ же самомъ органѣ и даже въ томъ же № обругали Моммзена, а въ другомъ органѣ пробрали Дюбуа-Реймона. Скажите теперь, у кого же вы посовѣтуете намъ учиться, если Вирховъ, Моммзенъ, Дюбуа-Реймонъ не обладаютъ качествами вашего сословія, т. е. «глубиной и послѣдовательностью мысли»?

Итакъ, если бы упрекъ вашъ и былъ справедливъ, то съ вашей точки зрѣнія, этому нужно лишь радоваться. Скорѣе, значитъ, проникнетъ въ русскіе университеты «новое слово науки», и покончитъ свое существованіе «издыхающая форма науки»; скорѣе наступитъ «торжество правды»; скорѣе кончится,—понятно въ чью пользу,— та «борьба, формы которой»... и т. д. Однимъ словомъ, чѣмъ ниже будетъ падать уровень «школьной», «заправской науки»; тѣмъ скорѣе укрѣпится тотъ «залогъ сближенія между наукой и жизнью», на который съ такимъ пафосомъ вы указываете въ концѣ перваго письма.

Другой упрекъ состоитъ въ томъ, что мы, профессора, не помогли вамъ «выкарабкаться» изъ того обрыва, куда завелъ васъ Писаревъ, что вы «должны были выкарабкиваться собственными силами,—безъ малѣйшей помощи ученыхъ людей, ломать себѣ на ихъ глазахъ шеи, падать и опять карабкаться». Но что́ же могли тутъ сдѣлать ученые люди? Одно изъ двухъ: или вы не были въ университетѣ, — въ чемъ и нѣтъ строгой

надобности «водворяющимъ новую мысль въ Россіи»; или же были, но лишь «для окончанія курса», а «для поученія» штудировали Писарева, т. е., упивались его пасквилями на петербургскій университетъ, и за-одно съ учителемъ «разрушали эстетику». Сломали, говорите, шею, да еще на глазахъ ученыхъ людей? Увы! даже на глазахъ полиціи ломаютъ себѣ шеи пьяные люди и дѣти, оставленныя безъ присмотра.

Третій упрекъ, — что профессора не мѣшаются въ ваши отношенія къ публикѣ, не регулируютъ движеній въ родѣ того, какое вызвалъ Писаревъ своей популяризаціей естественныхъ наукъ. Но вы сами знаете, отчего это происходитъ, и сами же прямо указываете на «общее положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ», какъ на одну изъ причинъ пассивности русской науки. Эта причина еще понятнѣе иностранцамъ, у которыхъ больше опыта и больше пониманія различныхъ взаимныхъ обусловленностей. Притомъ же, періодическая пресса почти вся въ рукахъ вашего сословія, если не въ другихъ рукахъ, не особенно дружелюбныхъ профессорамъ или не всегда чистыхъ. Между тѣмъ, вы сами говорите, что уже теперь есть двѣ «воюющихъ стороны», что одна изъ нихъ — вы, т. е. ваше сословіе, другая — мы, «ученые люди.» Но гдѣ же вы видѣли, чтобы одна воюющая сторона добровольно отдавала свои выгодныя позиціи сторонѣ противной?

Послѣ всего, что̀ сказано, и въ силу разнаго прочаго, что́ не сказано, вполнѣ понятенъ тотъ фактъ, что русская жизнь мало подпадала вліянію со стороны «заправской, академической, школьной, патентованной русской науки».

Но вопросъ иной, — каковы были тѣ другія вліянія, которыя дѣйствовали и *воздѣйствовали* на русскую жизнь, при отсутствіи вліяній школьной науки? Что́ вносили и внесли въ русскую общественную жизнь эти другія вліянія за время послѣднихъ двадцати лѣтъ?

Вы сами поставили этотъ вопросъ, и на-скоро рѣшили его по своему; я считаю себя въ полномъ правѣ—удержать предъ пуб-

й самый вопросъ, но рѣшу его по-своему: будетъ по край-
я два рѣшенія.

При отсутствіи вліяній «дѣвственной науки», «исторія рус-
жизни съ ея болѣе сильными, глубокими, свѣжими теченія-
амымъ тѣснымъ образомъ связана съ исторіей русской жур-
стики за послѣдніе годы»; а «люди, духовной жаждой то-
ле, прибѣгали» къ вамъ, а не къ намъ. Таковы, по вашимъ
амъ, двѣ заслуги, за которыя вамъ поставитъ памятники бу-
ій историкъ современной намъ жизни русскаго общества.

Какъ поступитъ будущій историкъ, — дѣло его; у насъ
своя, — это на счетъ «тѣсной связи».

Правда ли, что такая связь была? Вы утверждаете что
и я охотно признаю вашу компетентность въ данномъ случаѣ;
ь какъ самъ лично вообще держусь въ сторонѣ отъ разныхъ
ѣжихъ» и несвѣжихъ теченій. По естеству, правда, вы
жны быть очень молоды; но по разуму уже состоите въ
ахъ, ибо, по вашимъ же словамъ, производите подоб-
ъ себѣ, да еще «на страницахъ журнала». Эта біо-
фическая справка имѣетъ свою цѣну: по ней можно прослѣ-
ь вашу духовную генеалогію. Оказывается, что вы — духов-
ный сынъ Писарева; а самъ Писаревъ духовно происходилъ
отъ дѣтей конца 50 гг. Значитъ, вы духовный внукъ отъ дѣ-
тей этого періода, а тѣ, кого вы сами производите, духовные
правнуки дѣтей 50 гг., родители которыхъ въ ту пору были
отцами. Удивительная быстрота роста и скорозрѣлость произво-
дительной способности: меньше чѣмъ въ двадцать лѣтъ четыре
поколѣнія! Истинные *поденки*: утромъ родятся, въ полдень плодятся, а къ вечеру умираютъ. Пускай теперь кто нибудь сосчитаетъ всѣ экземпляры этой эфемерной породы. Разумѣется, внѣ такой быстрой смѣны поколѣній остается огромная часть русскаго общества вообще и нашего сословія въ частности. — Эта генеалогическая справка, между прочимъ, объясняетъ, почему людямъ «новой мысли» нельзя выучиться географіи или ариѳметикѣ, — просто некогда, не тѣмъ заняты.

Итакъ, это вы, т. е. ваше сословіе, съ его отцами,

надобности «водворяющимъ новую мысль въ Россіи»; или же были, но лишь «для окончанія курса», а «для поученія» штудировали Писарева, т. е., упивались его пасквилями на петербургскій университетъ, и за-одно съ учителемъ «разрушали эстетику». Сломали, говорите, шею, да еще на глазахъ ученыхъ людей? Увы! даже на глазахъ полиціи ломаютъ себѣ шеи пьяные люди и дѣти, оставленныя безъ присмотра.

Третій упрекъ, — что профессора не мѣшаются въ ваши отношенія къ публикѣ, не регулируютъ движеній въ родѣ того, какое вызвалъ Писаревъ своей популяризаціей естественныхъ наукъ. Но вы сами знаете, отчего это происходитъ, и сами же прямо указываете на «общее положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ», какъ на одну изъ причинъ пассивности русской науки. Эта причина еще понятнѣе иностранцамъ, у которыхъ больше опыта и больше пониманія различныхъ взаимныхъ обусловленностей. Притомъ же, періодическая пресса почти вся въ рукахъ вашего сословія, если не въ другихъ рукахъ, не особенно дружелюбныхъ профессорамъ или не всегда чистыхъ. Между тѣмъ, вы сами говорите, что уже теперь есть двѣ «воюющихъ стороны», что одна изъ нихъ — вы, т. е. ваше сословіе, другая — мы, «ученые люди.» Но гдѣ же вы видѣли, чтобы одна воюющая сторона добровольно отдавала свои выгодныя позиціи сторонѣ противной?

Послѣ всего, что̀ сказано, и въ силу разнаго прочаго, что́ не сказано, вполнѣ понятенъ тотъ фактъ, что русская жизнь мало подпадала вліянію со стороны «заправской, академической, школьной, патентованной русской науки».

Но вопросъ иной, — каковы были тѣ другія вліянія, которыя дѣйствовали и *воздѣйствовали* на русскую жизнь, при отсутствіи вліяній школьной науки? Что́ вносили и внесли въ русскую общественную жизнь эти другія вліянія за время послѣднихъ двадцати лѣтъ?

Вы сами поставили этотъ вопросъ, и на-скоро рѣшили его по своему; я считаю себя въ полномъ правѣ—удержать предъ пуб-

ликой самый вопросъ, но рѣшу его по-своему: будетъ по крайности два рѣшенія.

При отсутствіи вліяній «дѣвственной науки», «исторія русской жизни съ ея болѣе сильными, глубокими, свѣжими теченіями самымъ тѣснымъ образомъ связана съ исторіей русской журналистики за послѣдніе годы»; а «люди, духовной жаждой томимые, прибѣгали» къ вамъ, а не къ намъ. Таковы, по вашимъ словамъ, двѣ заслуги, за которыя вамъ поставитъ памятники будущій историкъ современной намъ жизни русскаго общества.

Какъ поступитъ будущій историкъ, — дѣло его; у насъ тема своя, — это на счетъ «тѣсной связи».

Правда ли, что такая связь была? Вы утверждаете что да, и я охотно признаю вашу компетентность въ данномъ случаѣ; такъ какъ самъ лично вообще держусь въ сторонѣ отъ разныхъ «свѣжихъ» и несвѣжихъ теченій. По естеству, правда, вы должны быть очень молоды; но по разуму уже состоите въ отцахъ, ибо, по вашимъ же словамъ, производите подобныхъ себѣ, да еще «на страницахъ журнала». Эта біографическая справка имѣетъ свою цѣну: по ней можно прослѣдить вашу духовную генеалогію. Оказывается, что вы — духовный сынъ Писарева; а самъ Писаревъ духовно происходилъ отъ дѣтей конца 50 гг. Значитъ, вы духовный внукъ отъ дѣтей этого періода, а тѣ, кого вы сами производите, духовные правнуки дѣтей 50 гг., родители которыхъ въ ту пору были отцами. Удивительная быстрота роста и скорозрѣлость производительной способности: меньше чѣмъ въ двадцать лѣтъ четыре поколѣнія! Истинные *поденки*: утромъ родятся, въ полдень плодятся, а къ вечеру умираютъ. Пускай теперь кто нибудь сосчитаетъ всѣ экземпляры этой эфемерной породы. Разумѣется, внѣ такой быстрой смѣны поколѣній остается огромная часть русскаго общества вообще и нашего сословія въ частности. — Эта генеалогическая справка, между прочимъ, объясняетъ, почему людямъ «новой мысли» нельзя выучиться географіи или ариѳметикѣ, — просто некогда, не тѣмъ заняты.

Итакъ, это вы, т. е. ваше сословіе, съ его отцами,

дѣдами и прадѣдами поили «живыя души живой водой»? Я не сталъ бы трогать этой матеріи, если бы не такъ ужь не въ мѣру вы похвалялись вашей «живой водой» предъ нашей «мундирной наукой»; если бы не такъ ужь откровенно заявляли свое задушевное желаніе, чтобы университеты перестали, наконецъ, стоять на дорогѣ вашему «новому слову»; если бы не такъ уже открыто рекомендовали поступать въ университетъ только «для окончанія курса», а за «живой водой» ходить къ вамъ, «водворяющимъ», и т. д. Лично я, разумѣется, не особенно доволенъ на васъ за свободное обращеніе съ образами и представленіями о раздаяніи живой воды духовно жаждущимъ. Это одна изъ наиболѣе высокихъ картинъ евангелія, и кто примѣняетъ картину къ себѣ, прямо кощунствуетъ. Но я прощаю вамъ,—нужно же войти въ положеніе человѣка, который подъ руководствомъ Писарева разрушилъ въ себѣ эстетику. А что́ касается вашего совѣта — ходить въ университетъ только для окончанія курса, т. е. для кражи диплома, объ этомъ препираться не будемъ. Нѣсколько выше мы,—надѣюсь, съ обоюднаго согласія, — устранили колючій вопросъ о сочетаніи «мошенническихъ» способовъ съ «хорошей сущностью дѣла».

Что́ же это за «живая вода», которою, по вашимъ словамъ, вы и ваши духовные предки поите и поили «живыя души», обѣщаете поить ихъ и дальше, поить до тѣхъ поръ, пока всѣ не утолятъ жажды, и пока не окончится та «борьба», послѣ которой намъ, профессорамъ, вы обѣщаете какую-то скверную судьбу?

Общій родникъ, изъ котораго выходятъ если не всѣ, то главные источники вашей живой воды, — это пластъ крѣпостнаго права и примыкавшихъ къ нему учрежденій. Больше не откуда выходить этимъ живоноснымъ источникамъ. Тамъ же, главнымъ образомъ, нужно искать и причину «духовной жажды» тѣхъ «живыхъ душъ», которымъ по вкусу эта, а не другая вода. Da ist der Hund begraben!

Такое положеніе не есть парадоксъ, а прямой выводъ изъ нижеслѣдующихъ простыхъ соображеній.

Коренная сущность крѣпостнаго права и его порядковъ состояла въ томъ, что при этихъ порядкахъ, между прочимъ, не соблюдались Седьмая и Десятая Заповѣди. Царило общинное владѣніе по отношенію ко всему, что̀ изъято изъ общинности текстомъ упомянутыхъ Заповѣдей; то была безпардонная игра животности, не сдержанная ничѣмъ.

Разгулъ животныхъ инстинктовъ не кончался въ одномъ кругѣ помѣщиковъ; нѣтъ,—онъ проникалъ и въ другіе классы общества, изъ которыхъ вездѣ и всегда выходитъ интеллигенція, какъ вышла и въ Россіи къ 60 гг Правда, одно изъ такихъ сословій стояло нѣсколько въ сторонѣ,—это духовенство. Но оно было унижено, угнетено, подъ попреками дармоѣдствомъ со стороны общества, подъ произволомъ со стороны своихъ же властей. Понятно, какого рода элементы могли выйти изъ духовенства; они и вышли къ тому же времени, т. е., ко времени отмѣны крѣпостнаго права.

Отцы 50 гг., какъ и раньше ихъ предки, жили на полномъ просторѣ своимъ животнымъ инстинктамъ. Никого не стѣсняли тѣ предѣлы, какіе ставились условіями политической благонамѣренности; эти предѣлы стояли гдѣ-то въ-дали, въ туманѣ, для огромнаго большинства даже не были примѣтны. Такое состояніе общества, собственно, мало чѣмъ отличается отъ такъ называемаго *естественнаго состоянія*.

Въ сущности не доставало только хвостовъ; можетъ быть, впрочемъ, они и были, если вѣрить одному ученому нѣмцу. Возможно, что лишь ради суровости климата привыкли прятать свое украшеніе; у нѣкоторыхъ же оно могло присохнуть отъ упорнаго сидѣнія за картами.

На языкѣ нелюбимой вами казенной науки такое состояніе общества есть ничто иное, какъ полное отсутствіе *гражданскаго порядка*; а гражданскій порядокъ есть то состояніе, гдѣ одинъ изъ краеугольныхъ камней—право личности, выраженное, между прочимъ, въ чистотѣ и въ крѣпости семьи, въ строгомъ соблюденіи границъ между своимъ и чужимъ.

Ни того, ни другаго именно не было и не могло быть

въ недавнее старое время. Какая могла быть семейная жизнь у тогдашняго помѣщика, когда въ дѣвичьей сидѣли покрытки, а на дворѣ бѣгали незаконныя дѣти, похожія на барина? Извѣстно, какъ дѣйствовали нѣкоторые предпріимчивые коллежскіе ассессоры: покупалась,—иногда на женино приданое,—сотня, другая десятинъ земли, а сосѣдъ продавалъ, проигрывалъ въ карты или промѣнивалъ на собаку пару дворовыхъ дѣвокъ. Начиналась колонизація, и чрезъ двадцать лѣтъ получалось недурное населенное имѣніе, собственнымъ трудомъ нажитое, и потому—благопріобрѣтенное.

Пользуясь самъ такой свободой,—иногда въ качествѣ колонизатора,—мужъ, понятно, смотрѣлъ сквозь пальцы на взаимность со стороны жены.

Что́ касается, далѣе, границы между своимъ и чужимъ, такая граница не была проведена наглядно и точно. То, что́ принадлежало крѣпостному, баринъ по праву считалъ своимъ; достояніе другаго ближняго, своего сосѣда, всегда могло быть добыто силой или подкупомъ, иногда—простымъ угощеніемъ становаго пристава и земскаго засѣдателя.

Чиновникъ тоже не церемонился. Основной тонъ задавали помѣщики; они же и помогали, давая взятки на пропитаніе и крѣпостныхъ дѣвокъ на услуженіе. Секретарь или надсмотрщикъ съ нетерпѣніемъ ждалъ того времени, когда выслужитъ чинъ коллежскаго ассессора и начнетъ колонизацію. Всѣмъ, значитъ, жилось по душѣ; *формальностей* никакихъ не было, т. е., онѣ то были, но никого не стѣсняли, ибо противъ нихъ само собой устроилось взаимное страхованіе.

Таковы были отцы; въ такой атмосферѣ они жили сами, въ ней народили и выростили то поколѣніе, которому пришлось оказаться въ положеніи дѣтей какъ разъ ко времени отмѣны крѣпостнаго права. Каковы могли быть эти дѣти, обнаружилось скоро: не лучше и не хуже своихъ отцовъ; яблоко отъ яблони далеко не падаетъ.

Послѣ темныхъ слуховъ, которымъ немногіе и вѣрили, крѣпостное право вдругъ исчезаетъ, а съ нимъ исчезаютъ всѣ

крѣпостныя удобства и разныя вольности безпредѣльнаго общиннаго владѣнія женой, рабомъ, воломъ, осломъ и всѣмъ прочимъ, елика суть ближняго твоего. Отцы, скрѣпя сердце, помирились съ печальной долей; хоть и не до конца дней своихъ, но все таки они пожили и потрудились на пользу колонизаціи. Тона Циникъ залегъ въ опустѣвшемъ домѣ, какъ перстъ остался одинъ; даже Марфушка сбѣжала. Самъ виноватъ,—зачѣмъ не уединилъ ее инсулярно на прудъ, какъ это придумалъ одинъ изъ отцовъ для своихъ красавицъ; такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали.

Какъ бы тамъ ни было, но партія отцовъ была сыграна. Какъ же быть теперь дѣтямъ? Они родились и выросли въ крѣпостной обстановкѣ, пропитались ею съ молокомъ матери,—вѣрнѣе,—съ молокомъ покрытки, иногда матери единокровнаго братца. Они произошли нравы лакейской и дѣвичьей, словомъ, какъ разъ сформировались для продолженія дѣла своихъ отцовъ, —и вдругъ все это приспособленіе духовнаго роста оказалось негоднымъ для новыхъ порядковъ. Имъ предстояло вступить въ обстановку гражданскаго порядка, составленную изъ элементовъ совсѣмъ иного рода. Въ этой обстановкѣ столько *формальностей* и разныхъ *предразсудковъ*, какихъ не было при естественной свободѣ порядковъ крѣпостныхъ. Переходъ отъ одного строя жизни въ другой былъ возможенъ лишь подъ однимъ условіемъ: предстояло усвоить себѣ складъ привычекъ, воззрѣній, понятій, наложить на себя рядъ такихъ ограниченій, для которыхъ не было заложено никакихъ основъ въ эпоху ранняго дѣтства и въ началѣ юности Это значило: совлечь съ себя ветхаго человѣка и стать человѣкомъ новымъ. Но въ индивидуальной жизни отдѣльнаго человѣка подобныя превращенія происходятъ рѣдко; они совершаются лишь подъ вліяніемъ наслѣдственности, какъ результатъ преемственныхъ видоизмѣненій въ теченіи длиннаго ряда поколѣній.

Вотъ тутъ-то дали себя знать дѣти конца 50 и начала 60 гг. Положеніе, дѣйствительно, было вызывающее; имъ предстояла борьба, фатальная, если хотите, — трагическая, хотя

и съ комическими эпизодами. Дѣтямъ того періода, во что́ бы то ни стало, нужно было отстоять прежнюю необузданность крѣпостническихъ повадокъ лѣни и половой распущенности, и такимъ путемъ уклониться отъ требованій наступавшаго гражданскаго порядка. Съ чутьемъ инстинкта самосохраненія, дѣти скоро открыли нужный имъ путь. Они отправились на поиски за теоретическими оправданіями своимъ крайне практическимъ позывамъ, чтобы возвести свои животные инстинкты въ рядъ научныхъ принциповъ и во имя этихъ принциповъ спасти свой наслѣдственный хвостъ, не дававшій имъ покоя. Они догадались, что найдя нужное искомое, можно будетъ зажить по-старому, т. е. по образу и подобію своихъ отцовъ, не стѣсняясь требованіями гражданскаго порядка: подъ нимъ пусть живутъ другіе, а не они, хвостатыя дѣти хвостатыхъ отцовъ.

Такова была *задача*, которая предстояла дѣтямъ эпохи упраздненія крѣпостнаго права; и я лишь повторю ваши слова, когда скажу, что вынести эту задачу на своихъ плечахъ взялась литература, т. е., журналистка. Ставши скоро отцами, тогдашнія дѣти передали задачу своимъ дѣтямъ, эти—своимъ и т. д. по нынѣшній день. Долго ли продлится такая преемственность, сказать не умѣю; но готовъ думать, что на вашъ вѣкъ хватитъ.

Теперь мы знаемъ, гдѣ находится подлинный родникъ вашей «живой воды». Да! вонь идетъ оттуда; тамъ, значитъ, и песъ закопанъ. Этотъ родникъ—на кладбищѣ, гдѣ, рядомъ съ разными мертвецами, схоронено крѣпостное право. Дастъ Богъ, снесутъ туда и другихъ покойниковъ. Нечего, стало быть, морочить наивныхъ людей,—выдавать свои трупные помои за живую воду; изъ такихъ родниковъ отравляются, а не освѣжаются.

Но изъ общаго родника идетъ не одинъ источникъ «живой воды«, а нѣсколько. Эти отдѣльные источники, понятно, имѣютъ одинъ общій запахъ: вонь крѣпостнаго трупа. Но каждый изъ нихъ имѣетъ и свою специфичную консистенцію. Осмотримъ же хоть на-скоро эти любопытныя минерашки. Распо-

ложеніе источниковъ вамъ хорошо знакомо, — работаете вѣдь колесомъ; я тоже кое-что маракую, больше изъ любознательности. Прогулка, во всякомъ случаѣ, обѣщаетъ быть занимательной, какъ вообще прогулки по минеращкамъ; подъ конецъ будутъ и дамы, все ваши знакомыя.

Осмотръ можетъ быть сдѣланъ очень легко, безъ всякихъ затрудненій и задержекъ. Кѣмъ открыты отдѣльные источники, какъ ихъ усовершали и пріучали къ нимъ посѣтителей, — это на памяти у всѣхъ, кто пробѣгалъ русскіе журналы за послѣднія двадцать лѣтъ. Потому, — указывать поименно, кто и какъ потрудился здѣсь на пользу общаго дѣла, кто вертѣлъ колесо, кто преподносилъ жаждущимъ стаканы, — нѣтъ никакой надобности. Этимъ займется будущій историкъ, когда приступитъ къ сооруженію монументовъ. Но монументы впереди, а пока,—ни вы и никто другой не можете упрекнуть меня въ голословности: голословнымъ нельзя быть, когда рѣчь идетъ о вещахъ общеизвѣстныхъ.— Итакъ остановимся предъ каждымъ источникомъ въ отдѣльности.

Источникъ № 1, съ котораго слѣдуетъ начинать курсъ, извѣстенъ подъ именемъ *послѣднихъ выводовъ науки*. Это источникъ, такъ сказать, предрасполагающій; безъ него дѣйствіе другихъ ключей не можетъ быть полнымъ. Есть извѣстные вопросы, никѣмъ не придуманные; вѣроятно, они вызваны еще вкушеніемъ отъ древа познанія добра и зла. Они вѣчно тревожатъ человѣческое сознаніе, рѣшались и рѣшаются различно, смотря по мѣсту и времени; но такого рѣшенія, съ которымъ согласились бы всѣ, до сихъ поръ не дано, и врядъ ли оно будетъ дано. Они въ области сознанія, но за границей положительнаго знанія; это знаніе тѣснѣе сознанія, и потому такіе вопросы не подлежатъ наукѣ. Они, повидимому, и существуютъ не для того, чтобы ихъ когда нибудь рѣшили; но устранить ихъ значило бы на-смѣрть изувѣчить человѣческое сознаніе и вырвать корень всѣхъ нравственныхъ понятій: эти вопросы тревожатъ человѣческій умъ и человѣческое сердце, не даютъ имъ заспаться и застояться. Первый и главный изъ

нихъ — вопросъ о причинѣ причинъ. Отвѣтъ на него, доставленный уму изъ внѣшнихъ впечатлѣній и представленій, никогда никого не удовлетворялъ. Но отвѣтъ, доставленный образами фантазіи и тревогой чувства, даетъ идею Верховнаго Существа, въ которомъ, внѣ всякой соизмѣримости, олицетворено все, что необъятно, но сродно и понятно для человѣка. Подъ вліяніемъ идеи о Верховномъ Существѣ человѣкъ стремится достигнуть того, что недостижимо; въ такой недостижимости самое надежное ручательство непремѣннаго стремленія къ совершенству; иначе, — достигнувши когда нибудь,—человѣкъ пересталъ бы стремиться.

Нельзя ли заглушить такое стремленіе, вытравить его у человѣка въ ту пору, когда слагаются умственныя и нравственныя силы его личности? Такая отрава предложена подъ именемъ *послѣднихъ выводовъ науки.* Вотъ на что годится первый источникъ «живой воды»; очевидно, это источникъ основной, начальный. Конечно, эти послѣдніе выводы вовсе не вытекали ни изъ какой науки; они добыты совсѣмъ другимъ путемъ. Часть ихъ, и главная, была составлена дома, самостоятельно, по вашимъ словамъ,—«набираясь знаній среди журнальной работы». Другая же часть, дѣйствительно, прибыла изъ за границы; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что привозные выводы были въ самомъ дѣлѣ выводами науки. Въ Европѣ широкое теченіе научной мысли всегда давало и даетъ различные боковые потоки; одни изъ такихъ потоковъ опять возвращаются въ главное русло; другіе же застаиваются, загниваются и потомъ высыхаютъ. Но тамъ, на мѣстѣ, все это безвредно и въ-общемъ не отклоняетъ въ сторону главнаго русла. Вотъ изъ такихъ-то боковыхъ теченій, особенно изъ застоявшихся, всегда можно черпнуть «живой воды» и смочить ею собственныя домашнія издѣлія. Вы, какъ духовный сынъ Писарева, конечно, помните, насколько ладовъ перетрепали у насъ *Матерію и Силу* Бюхнера.

Таковы ваши послѣдніе выводы науки. Изъ какой науки ихъ выводили? Разумѣется, изъ естествознанія.

Много ли тѣхъ, кто утолилъ жажду изъ перваго источ-

ника, вамъ ближе знать. Что́ до меня, я знаю лишь одно: вы, т. е., ваше сословіе, съ вашей живой водой послѣднихъ выводовъ науки, только повредили успѣху естественныхъ наукъ въ Россіи. Вы повредили здѣсь вдвойнѣ. Отъ занятія естествознаніемъ отвлечено немало людей на службу разрушенію *предразсудковъ* и на дѣло разныхъ соціальныхъ примѣненій. Нужно же было расчистить мѣсто и заложить зданіе соціологіи въ стилѣ отечественной архитектуры, безъ раздѣленія по́ловъ, т. е. во вкусѣ кабака. «*Общество животныхъ какъ матеріалъ для изученія соціологіи*», — таковъ девизъ этихъ самородковъ-соціологовъ; до всего они доходятъ своимъ умомъ, безъ помощи рутинной науки, хотя и вороваты на чужія цитаты. Но кромѣ того: въ глазахъ общества и правительства, вы, т. е. ваше сословіе, скомпрометтировали естественныя науки, сдѣлали изъ нихъ какое-то пугало, и тѣмъ подали поводъ другимъ «теченіямъ» въ нашей жизни,— теченіямъ, честь которыхъ вы, разумѣется, не согласитесь приписать себѣ, но не имѣете ровно никакого права приписывать и намъ.

Вотъ что надѣлала ваша «новая мысль» съ естественными науками. А между тѣмъ, внѣ вашихъ нечистыхъ объятій, естествознаніе дѣйствуетъ на человѣка точно также, какъ и всякая другая наука дѣйствуетъ на своего адепта: дѣлаетъ сложнѣе и глубже психическую жизнь человѣка, тѣмъ самымъ облагораживаетъ и возвышаетъ его душу; какъ и всякая наука, выясняетъ ему границы его личнаго знанія, и чрезъ это истиннаго натуралиста дѣлаетъ не только толерантнымъ, но и почтительнымъ къ тѣмъ отраслямъ знанія, которыми занимаются другіе. А вы, т. е., ваше сословіе, сколько наукъ сдали въ архивъ во имя вашихъ послѣднихъ выводовъ науки? Вспомните и сосчитайте.

Теперь источникъ № 2. — Здѣсь пропивается совѣсть и чувство отвѣтственности, idem—чувство обязанности и долга,— качества, безъ которыхъ невозможна личная годность человѣка на что бы то ни было.

Практически это самый важный изъ источниковъ, открытыхъ дѣтьми конца 50 и начала 60 гг. Въ самомъ дѣлѣ, новый порядокъ вещей, неизбѣжный послѣ отмѣны крѣпостнаго

права, требовалъ именно совѣсти и чувства отвѣтственности, этихъ двухъ качествъ, въ которыхъ не было особенной надобности при порядкѣ крѣпостномъ. Для *натуральной* свободы *натуральнаго* человѣка отвѣтственность и совѣсть — самыя несносныя стѣсненія; разъ онѣ завелись въ душѣ человѣка,—это самые несговорчивые судьи: онѣ постоянно на-лицо, постоянно съ человѣкомъ, потому что — въ немъ самомъ.

Нельзя ли объявить ихъ старыми предрасудками, ни для кого необязательными, но объявить ихъ таковыми на основаніи «послѣдняго слова науки». Оказалось, что можно,—стоитъ только потянуть надлежащіе выводы изъ теоріи *рефлексовъ головнаго мозга*. Замѣтьте себѣ,—я ничего не говорю о физіологической теоріи рефлексовъ головнаго мозга; состоятельна она или нѣтъ, это вопросъ другой, здѣсь посторонній. Я говорю лишь о тѣхъ примѣненіяхъ этой теоріи, какихъ надѣлали ваши отцы и дѣды въ началѣ 60 гг.

Изъ такихъ примѣненій само собой слѣдовало, что принципъ свободной воли—одна выдумка и предразсудокъ; а различіе между добромъ и зломъ—схоластическая тонкость.

Но отравленіе одними рефлексами оказалось недостаточнымъ; само по себѣ оно, собственно,—пораженіе столбнякомъ, опорожненіе сознанія и воли отъ всякихъ цѣлей, плановъ, стремленій, словомъ, отъ всѣхъ сознательно-свободныхъ и потому, — *отвѣтственныхъ* мотивовъ поведенія. Въ силу чего же теперь дѣйствовать, гдѣ взять *иныя* цѣли, точнѣе, — какъ и чѣмъ открыть выходъ тому напору инстинктовъ и похотей, который неудержимо рвался наружу послѣ прочистки рефлексами? Нужное здѣсь восполненіе могло быть найдено лишь въ одномъ мѣстѣ, — въ «обществѣ животныхъ какъ матеріалѣ» и т. д.; восполненный оттуда, источникъ № 2 усиливался въ качествѣ и даже въ количествѣ. Дѣйствительно, одуряющая крѣпость и масса выходящей изъ него живой воды значительно увеличились съ тѣхъ поръ, когда гнѣздо источника подправили «борьбой за существованіе» во всякихъ смыслахъ, т. е. прикладными выводами, *отнесенными* на счетъ теоріи Дарвина. Источникъ сталъ крѣпче и гораздо животворнѣе: одинъ

стаканъ,—и пацiентъ готовъ; готовъ всѣми средствами «бороться за существованіе», т. е., за увеселеніе; и потому ненавидитъ Уложеніе о наказаніяхъ и вообще Сводъ, юриспруденцію и прокурорскій надзоръ,—эти стѣсненія натуральнаго «права борьбы». Въ «новомъ порядкѣ», какъ извѣстно, такихъ стѣсненій не полагается.

Испивши «живой воды» изъ источника № 2, можно охранить себя отъ трехъ крайне стѣснительныхъ предразсудковъ—отъ совѣсти, чувства отвѣтственности — съ ихъ основой: принципомъ свободной воли, и надлежаще зарядиться на борьбу. Но какъ уже сказано, изъ источника № 2 нужно испивать не на-тощакъ, а послѣ источника № 1; иначе дѣйствіе не будетъ полное: можетъ явиться рефлексія и прогонитъ рефлексы.—

Источникъ № 3. Новый порядокъ, въ который предстояло вступить вашимъ отцамъ и дѣдамъ, т. е. дѣтямъ начала 60 гг., требовалъ охоты и способности трудиться. Отъ этой печальной необходимости, повидимому, не избавляло ничто: ни обладаніе недвижимостью, ни обладаніе развязными, хорошими манерами и разными любезными качествами. На недвижимости вѣдь нужно хозяйничать; нѣтъ недвижимости, — нужно работать иначе. Можно, разумѣется, устроиться и такъ, чтобы ничего не дѣлая, благоденствовать въ жизни. Въ такомъ положеніи находится порода рентьеровъ; но она водится лишь тамъ, гдѣ есть обиліе капиталовъ, а таковыхъ у насъ не имѣлось и до сихъ поръ не имѣется. Одно время улыбалась пріятная надежда — промышлять фиктивными браками; цѣны стояли хорошія, — дешево и нельзя: употребленный на одинъ фиктивный бракъ на другой негоденъ. Это одинъ изъ тѣхъ промысловъ, гдѣ многократность употребленія крайне ограничена: въ самомъ счастливомъ случаѣ не болѣе трехъ разъ въ жизни. Но дѣвицы скоро поняли, что эманципація чрезъ фиктивный бракъ стоитъ слишкомъ дорого. Родители дѣвицъ тоже окрысились и поспѣшили принять стѣснительныя, но рѣшительныя мѣры: на-крѣпко заперли шкатулки съ деньгами и припрятали ларцы съ брильянтами. Да и принципъ равноправности пóловъ нарушался: дѣвицъ убѣждали не отдаваться за деньги; а между тѣмъ, сами фиктив-

ные женихи предлагали себя только за деньги, и непремѣнно за наличныя, въ кредитъ—ни-ни.

Оставался еще одинъ ресурсъ, тоже старый и хорошо извѣстный отцамъ,—поступать на содержаніе; но этотъ ресурсъ скоро изсякъ. Съ тѣхъ поръ, какъ во имя послѣднихъ выводовъ науки и рефлексовъ головнаго мозга съ борьбой за праздношатаніе отброшены *предразсудки*, число охотниковъ до такого рода жизни быстро возросло. Произошло неизбѣжное загроможденіе рынка, предложеніе далеко превысило спросъ. Да ктому же и цѣны сильно упали; отцы въ такихъ случаяхъ зашибали крупные куши, иногда цѣлыя вотчины и капитальные дома; а дѣтямъ досталась иная доля: квартиру и столъ, пожалуй, дадутъ, на костюмъ—поторгуются, а на карманныя,—промышляй какъ знаешь. Въ природѣ вещей нѣтъ, конечно, препятствія —дѣйствовать въ подобныхъ случаяхъ на двѣ руки, т. е., стать предметомъ общиннаго владѣнія разомъ для двухъ купчихъ или полковницъ, съ вознагражденіемъ по складчинѣ или по началу обложенія. Но изъ такой общинности на практикѣ обыкновенно выходитъ рядъ положеній, затруднительныхъ даже для того, кто утоляетъ жажду вашей живой водой: дадутъ отставку,—это въ лучшемъ случаѣ.—А тутъ еще начались сокращенія штатовъ, и государственная служба изъ простаго состоянія по формуляру постепенно начала превращаться въ занятіе дѣломъ.

Банкротство выходило полнѣйшее; но нужно же было какъ нибудь закрыть глаза себѣ и другимъ. Вотъ для этой цѣли какъ разъ приходился источникъ «живой воды» № 3, *борьба труда съ капиталомъ*, idem—*рабочій вопросъ*.

Въ Европѣ есть рабочій вопросъ, время отъ времени возникаетъ такъ называемая борьба труда съ капиталомъ, съ ея оборотной стороной — періодическими кризисами для капитала. Здѣсь не мѣсто говорить, гдѣ отдаленныя и ближайшія причины этой борьбы, каковъ можетъ быть ея исходъ, и т. п. Здѣсь важно знать лишь то, что въ Европѣ человѣкъ упорно и долго трудился, много хозяйничалъ и много сберегъ. И теперь трудъ и капиталъ тамъ, дѣйствительно, двѣ силы, дѣйствующія у

всѣхъ на глазахъ. Потому, каждый разъ, когда между ними завязывается борьба, она заживо задѣваетъ и тѣхъ, кто собственно стоитъ внѣ борющихся интересовъ. Этимъ объясняется теоретическая сторона борьбы въ смыслѣ рабочаго вопроса, какъ темы литературной полемики. Но въ Россіи нѣтъ пока ни охоты, ни способности къ труду; нѣтъ даже дорогъ,—изъ одной деревни въ другую ѣздятъ по глазомѣру, глядя на колокольню; не сдѣлано почти ничего, кромѣ элементарныхъ приспособленій, безъ которыхъ невозможно поддержаніе расы. Не въ лучшемъ положеніи и капиталъ. Просроченные долги въ банки и по закладнымъ, векселя перемытые и дутые, долги на книжку и на честное слово,—вотъ наши капиталы. Ни труда, ни капитала, значитъ, еще нѣтъ; а между тѣмъ, они уже борются,—любопытная борьба двухъ нулей! Борьбу эту ведете вы, т. е., ваше сословіе, въ журнальныхъ статьяхъ о борьбѣ труда съ капиталомъ; а за вами и по вашимъ указаніямъ ведутъ ее тѣ, что испивши вашей живой воды, просто коптятъ небо, по преимуществу въ Петербургѣ, гдѣ оно достаточно закопчено и безъ нихъ. Но въ Питерѣ для такой борьбы есть одно удобство, рѣдкое въ отечествѣ: хорошія мостовыя, какихъ нѣтъ въ рядовыхъ городахъ. Нѣтъ также и соціальныхъ, т. е., безхозяйныхъ собакъ, отъ которыхъ не всегда безопасно въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ того, передовые литераторы и вообще люди «новаго слова» здѣсь же подъ рукой,—иной разъ можно усладиться и вдохновиться словесной бесѣдой; и вы, разумѣется, лучше меня знаете, какъ великъ въ нашемъ отечествѣ контингентъ коптящихъ небо въ ожиданіи разрѣшенія рабочаго вопроса и полной побѣды труда надъ капиталомъ. Только чѣмъ *эти* отличаются отъ тѣхъ, что шатаются тоже по Невскому, но въ ожиданіи, пока начальство замѣтитъ, отличитъ и повыситъ? Да особенно ничѣмъ, и перемѣна одной *партіи* на другую собственно—переходъ съ лѣваго тротуара на правый.

Послѣ этого, позвольте надѣяться, что вы нѣсколько поубавите цѣны вашимъ глубокимъ и послѣдовательнымъ мыслямъ о «превосходствѣ благосостоянія массъ» надъ «богатствомъ на-

родовъ». Согласитесь, что Европа дѣйствительно нажила богатство, прошла медленную и тяжелую школу труда; потому,—правильны они или неправильны, все равно,—тамъ понятны толки о томъ, какъ бы превратить это богатство народовъ въ благосостояніе массъ. Но у насъ капитала нѣтъ; школа труда развѣ что начинается, кругомъ долги и нищета; изъ чего же создавать «благосостояніе массы»? Изъ статей, написанныхъ вашимъ сословіемъ на тему о рабочемъ вопросѣ? Да о чемъ же хлопотать, скажите, —не все ли равно,—голь въ-одиночку или съ-обща?

Мы изслѣдовали источникъ вашей «живой воды» № 3, *борьба труда съ капиталомъ*, или *рабочій вопросъ*. Теперь мы знаемъ крѣпительныя свойства этого №: отпивши изъ него, можно поддержать въ себѣ крѣпостническое отвращеніе къ труду, а слѣдовательно,—предъ собой и другими закрыть свою личную негодность ни къ какому дѣлу, оправдать свое желаніе болтаться по бѣлому свѣту, но съ дѣловымъ видомъ. Ну, и болтаются! Все это, разумѣется, «свѣтлыя», «мыслящія», «развитыя личности», и стараются на пользу «водворенія новаго слова», кто какъ умѣетъ и разумѣетъ. Одинъ обругалъ Вирхова, другой—Моммзена, третій обольстилъ акушерку, четвертый сманилъ чужую жену или по дружбѣ уступилъ пріятелю свою, пятый изобрѣлъ шифръ изъ похабныхъ словъ и выучилъ ему барышень; шестой,—вѣроятно, въ «залогъ сближенія новаго слова съ жизнью»,—обманнымъ образомъ похитилъ у вдовы-крестьянки лошадь съ упряжкой, и т. д... а *»сотый»*, очевидно, сродни изобрѣтателю живописнаго шифра и вашъ знакомый,—о немъ не безъ гордости вы пропечатали въ письмѣ ко мнѣ,—побѣдоносно защищаетъ «общину и новое слово» однимъ неприличнымъ выраженіемъ.—Вы не торопитесь, впрочемъ, съ оваціями этимъ героямъ: нужно еще привести въ извѣстность, сколько такихъ «свѣтлыхъ», «мыслящихъ», «развитыхъ личностей» пристроилось къ «мундирнымъ» и другимъ безопаснымъ мѣстамъ, пускаютъ различныя «свѣжія теченія», и довольны, что наивныхъ, искреннихъ и неопытныхъ «теченія» уносятъ въ тюрьми и въ каторгу, въ родильные дома и на кладбище.

Послѣдуемъ теперь къ источнику № 4, съ надпи[illegible] *владѣніе*; онъ рядомъ съ № 3.

Ведущіе примѣрную борьбу примѣрнаго труда [illegible] ствующимъ капиталомъ, для большаго вдохновленія, лю[illegible] дывать на русское общинное землевладѣніе. Въ самомъ [illegible] является такимъ учрежденіемъ, которое, повидимому, наи[illegible] способно лечь въ основаніе «новаго порядка вещей». На него, какъ вы, конечно, знаете, пророки «новаго порядка» прямо указываютъ, какъ на такую особенность нашего отечества, которая напередъ оправдываетъ «будущую ликвидацію нынѣшняго соціальнаго порядка». Дѣйствительно, при извѣстномъ свободомысліи, при свѣжести ума и сердца, не обремененныхъ рутинными познаніями, можно строить себѣ идеалъ такого порядка, гдѣ въ общеніи будетъ не одна земля, но и все прочее. Чтó же касается дѣтей, въ новомъ порядкѣ не будетъ ни отцовъ, ни матерей; будутъ только самцы и самки; но за то всѣ будутъ съ-обща имѣть надзоръ за общимъ воспитательнымъ домомъ,—чего же лучше для практики половаго подбора? Подбирайся свободно; вакансій въ воспитательномъ домѣ достанетъ, а не достанетъ,—община добавитъ.—Понятно, почему русское *мірское землевладѣніе*, съ его круговой порукой и произвольными передѣлами по большинству голосовъ, дало и даетъ матеріалъ для устройства галлереи источника № 4, съ вывѣской: *общинное владѣніе*.

Но здѣсь необходимо должна быть сдѣлана одна оговорка. Я не думаю и никакъ не хочу сказать, что всякаго сторонника русскаго общиннаго землевладѣнія непремѣнно слѣдуетъ зачислять въ ряды другаго общиннаго владѣнія, болѣе широкаго по своему предмету, — совсѣмъ нѣтъ. Оставляя въ сторонѣ славянофиловъ (настоящихъ, а не лицедѣйствующихъ), остальныхъ поборниковъ общиннаго землевладѣнія можно раздѣлить приблизительно на четыре группы.

Первую группу составляютъ тѣ, для которыхъ русское общинное землевладѣніе — только поводъ ставить темы и представлять соображенія совсѣмъ иного характера. Къ этой группѣ принадлежатъ всѣ, испившіе живой воды изъ источника № 3.

Вторая группа — тѣ, для которыхъ общинное землевладѣ-

ніе дорого, какъ единственное средство спасенія Россіи отъ европейскаго пролетаріата. Они готовы на все, — на произволъ мірскаго схода, на произвольные передѣлы, на міроѣдство и круговую поруку, на выключеніе крестьянъ изъ подъ дѣйствія общаго гражданскаго права и суда, на повальный сифилисъ у крестьянъ, на практику снохачества и т. д., — лишь бы только когда нибудь, въ далекомъ будущемъ, не развился въ Россіи пролетаріатъ. Эти люди отличаются чувствительностью, радѣніемъ (на словахъ, конечно) о нуждахъ «поселянина». Но они забываютъ одно: нѣтъ надобности теперь же рѣшать то, что́ можетъ явиться вопросомъ далекаго будущаго. Казалось бы, не подлежитъ спору, что каждая эпоха имѣетъ свои вопросы и свои средства ихъ рѣшенія: будущее съумѣетъ по-своему рѣшить свои вопросы, если только настоящее умѣетъ понимать и рѣшать *свои* вопросы Но сторонникамъ этой группы уже теперь грезится въ Россіи «гнетъ капитала надъ трудомъ»; они охотно разсуждаютъ о вредѣ «капиталистической формы», о «буржуазіи» русскихъ штатныхъ и заштатныхъ городовъ съ ихъ коренными буржуа,— штатными и заштатными чиновниками. Они предсказываютъ близкую гибель гнилому Западу, который неизбѣжно погибнетъ, но погибнетъ не отъ безвѣрія и кичливости, какъ утверждали славянофилы,—а чрезъ свое неумѣнье рѣшить «соціальный вопросъ». Такой вопросъ по силамъ только намъ, свободнымъ отъ разныхъ предразсудковъ и рутинныхъ познаній Европы; это потому, что у насъ есть общинное землевладѣніе и другія преимущества, которыя «страшнѣе Западу всѣхъ нашихъ армій». Наша историческая миссія именно и должна состоять въ томъ, чтобы свое достояніе сообщить и другимъ, — не примутъ добровольно, пускай погибаютъ. — Понятно, что между группой второй и группой предыдущей постоянно возникаютъ недоразумѣнія: опѣ то и дѣло спиной толкаютъ другъ друга. Но все же между ними есть существенная разница. Бойцы первой группы исповѣдуютъ начала: кушай по аппетиту, работай по охотѣ, чужое считай своимъ, живи «во всю ширь», и т. д.; бойцы второй группы такихъ началъ не признаютъ и напр., казенный ящикъ не счита-

ютъ возможнымъ подводить подъ общинное владѣніе. Первые, далѣе, думаютъ по естеству; вторые готовы думать и по книжкамъ. Вотъ почему бойцовъ второй группы можно считать людьми серьезными, — больше, впрочемъ, по намѣренію, чѣмъ по исполненію.

Тертью группу составляютъ тѣ, которые вѣрно понимаютъ способы,—имѣть всегда подъ рукой достаточное количество дешевыхъ сельскихъ работниковъ. Защитники третьей группы отчетливо видятъ, что общинное землевладѣніе держитъ въ деревнѣ массу голыхъ, голодныхъ, обремененныхъ недоимками рабочихъ-общинниковъ. Такіе общинники всегда нуждаются въ рублѣ денегъ, въ мѣркѣ хлѣба, въ коннѣ сѣна, и потому всегда готовы отдать свою праздную рабочую силу за пустяки. Сторонники общиннаго землевладѣнія изъ этой группы рѣдко высказываются открыто; обыкновенно они знаютъ лишь про себя, гдѣ раки зимуютъ.

Наконецъ, къ четвертой группѣ должны быть отнесены тѣ, у которыхъ симпатіи къ общинному землевладѣнію—только форма ихъ нерасположенія къ частной поземельной собственности. Въ эту группу обыкновенно попадаютъ тѣ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, которые послѣ отмѣны крѣпостнаго права махнули рукой на землю, сказали себѣ: пропадай же все! на что и деревня, коли крестьянъ нѣтъ!—и немедленно озаботились *раздѣлать* лѣса. Поборники четвертой группы самостоятельнаго значенія не имѣютъ: они готовы пристать къ первой или ко второй группѣ, — все равно, лишь бы при случаѣ выбранить частную поземельную собственность. Это своего рода добровольцы, дѣйствующіе, впрочемъ, съ расчетомъ, —соображаясь съ условіями мѣста и времени.

Таковы въ общихъ чертахъ тѣ мотивы, которыми сознательно,—часто и безсознательно,– руководятся сторонники русскаго общиннаго землевладѣнія.—Понятно, что сторонники изъ группы второй и четвертой предрасположены испить живой воды изъ источника № 4 и потолкаться около № 3. Но понятно также и то, что не поддавши вліянію указанныхъ мотивовъ и

не чувствуя особенной жажды къ живой водѣ, можно оставаться въ сторонѣ отъ борьбы, какую (для собственнаго удовольствія) ведутъ у насъ защитники общиннаго землевладѣнія съ поборниками частной поземельной собственности.—

Остается еще одинъ источникъ,—настоящій Sprudel; вода горячая, пѣнистая, такъ въ носъ и шибаетъ. Жаждущихъ живой воды изъ него—видимо-невидимо. Вы догадываетесь заранѣе, какъ называется источникъ № 5, къ которому теперь подходимъ; это — *женскій вопросъ*.

Источникъ № 5 забилъ одновременно съ источниками №№ предыдущихъ, т. е., одновременно съ упраздненіемъ крѣпостнаго права. Дѣло, впрочемъ, имѣло серьезную сторону; но вы, т. е., ваше сословіе, пустили вашу «живую воду», кликнули кличъ ко всѣмъ «жаждущимъ» и.... вышелъ содомъ. Въ ту пору, когда происходило открытіе всѣхъ источниковъ «живой воды», положеніе дѣла представлялось въ такомъ видѣ: въ Россіи женщину воспитывали мало, учили еще меньше. Въ этомъ отношеніи не было, впрочемъ, особенной разницы между мущинами и женщинами: мущинъ тоже учили плохо, а воспитывать—совсѣмъ не воспитывали. Такимъ образомъ, вопросъ объ усиленіи образовательныхъ средствъ являлся вопросомъ въ равной мѣрѣ относительно мущинъ и женщинъ; и есть всѣ основанія думать, что вопросъ остается открытымъ и теперь.

Но кромѣ того: съ отмѣной крѣпостнаго права, новый порядокъ начинался не для однихъ мужчинъ, но и для женщинъ; и въ частности,—во взаимныхъ отношеніяхъ между мущинами и женщинами новый порядокъ требовалъ воздержности, регулированности. Теперь должна была исчезнуть та *поперемѣнность* (promiscuitas), какая бываетъ у животныхъ и въ естественномъ состояніи первобытнаго человѣка, — широко и *естественно* практиковалась при порядкахъ крѣпостныхъ Далѣе: не для однихъ мущинъ, но и для женщинъ, предстояла несговорчивая необходимость трудиться: для большинства изъ нихъ, — въ роли хозяйки, для другихъ,—въ занятіи такимъ или инымъ профессіональнымъ дѣломъ.—Само собой понятно, что всѣ эти требованія

новой обстановки возникали по отношенію къ женщинамъ лишь благороднаго сословія, т. е., по отношенію къ дочерямъ чиновниковъ и бывшихъ мелкихъ помѣщиковъ.

Въ такомъ видѣ женскій вопросъ есть вопросъ образованія и воспитанія, и вмѣстѣ, — вопросъ профессіональной подготовки для тѣхъ изъ женщинъ, которымъ прійдется существовать своимъ трудомъ въ видѣ профессіи.

Взятый самъ по себѣ, отрѣшенный отъ внезапнаго перехода изъ одного общественнаго строя въ другой, *такой* женскій вопросъ не есть особенность того или другаго поколѣнія, той или другой эпохи: во всякомъ обществѣ онъ постояненъ. Въ Европѣ онъ рѣшается такъ: женщину воспитываютъ дома, учатъ въ школѣ, а потомъ,—женщинамъ открытъ рядъ такихъ профессій, исполненіе которыхъ не требуетъ мужской физической силы и въ рукахъ женщины можетъ быть удачнѣе, чѣмъ въ рукахъ мущины.—Затѣмъ остаются проститутки; онѣ составляютъ особый классъ, наглядно отмѣченный и рѣзко отдѣленный отъ другихъ чистыхъ классовъ общества, все равно какъ и стоки нечистотъ тоже отведены въ сторону отъ водопроводныхъ трубъ. Проституція такимъ образомъ собрана въ одинъ уединенный потокъ и не заражаетъ другихъ классовъ общества. То же самое и среди мущинъ: извѣстнаго рода отрѣшенность отъ предразсудковъ и свободомысліе имѣютъ своихъ специфичныхъ представителей: таковы альфонсы въ Парижѣ, штрицци въ Вѣнѣ, луи въ Берлинѣ, какъ ихъ описываетъ Тиссо. У нихъ есть свое опредѣленное, за ними зачисленное занятіе—быть руководителями и вдохновителями своей партіи дѣйствія; но къ другимъ занятіямъ ихъ не пускаютъ, и не въ ихъ рукахъ руководство жизнью остальнаго общества, не въ ихъ рукахъ направленіе «болѣе глубокими», «сильными», «свѣжими» и т. д., «теченіями общественной жизни». И въ частности,—не въ рукахъ этихъ «свѣтлыхъ», «мыслящихъ», «развитыхъ личностей» разработка и рѣшеніе женскаго вопроса.

Иначе и быть не можетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, половой инстинктъ —самый неукротимый изъ всѣхъ животныхъ элементовъ человѣческой натуры. Тотъ сложный историческій процессъ, который называется цивилизаціей,

на-полвину состоялъ въ обузданіи этого звѣря. Такую задачу рѣшали: религія съ ея внѣшнимъ учрежденіемъ, церковью,—философія, искусство и право. Благодаря дѣйствію этихъ и другихъ факторовъ, теперь сложились извѣстные нравы и выработалось учрежніе семьи; для половаго инстинкта цивилизація сдѣлала то же самое, что́ сдѣлала и для другихъ инстинктовъ: широко и глубоко —какъ неизмѣримую пропасть, навсегда провела границу между человѣкомъ и животнымъ. У цивилизованнаго человѣка къ дѣятельности половаго инстинкта примыкаютъ самые дорогіе интересы; здѣсь творится тайна глубочайшихъ складокъ и движеній человѣческой души. Такова та метаморфоза, которую произвело учрежденіе семьи, и бракъ прежде всего есть укрощеніе половаго инстинкта: изъ дикой, разрушительной силы инстинктъ превращенъ въ *психическую* основу самыхъ крѣпкихъ и всеобъемлющихъ связей между людьми.

Чѣмъ вы замѣните такія связи? Ужь не всеобщимъ ли братствомъ? Но если всѣ мнѣ братья, тогда нѣтъ у меня братьевъ. А знаете ли, кстати, чѣмъ отличаются цивилизованныя страны отъ странъ варварскихъ? Между прочимъ,—тѣмъ, что у цивилизованныхъ народовъ не полиція, а нравы охраняютъ особый видъ общественной безопасности—безопасность женщины. Но такой безопасности нѣтъ и быть не можетъ до тѣхъ поръ, пока не укрѣплено и не приведено въ порядокъ учрежденіе семьи.

Чѣмъ же далъ и даетъ себя чувствовать тотъ женскій, быть можетъ, вѣрнѣе,—*дамскій*,—вопросъ, который съ такимъ успѣхомъ разработанъ на всѣ лады и тоны подъ арками галлереи источника № 5?

Крѣпостные порядки оставили послѣ себя замашки и нравы половой распущенности,—замашки, которымъ, казалось, не будетъ мѣста въ обстановкѣ новаго гражданскаго порядка. А между тѣмъ, эти нравы и замашки сохранились по сю пору, и сохранились, благодаря никому другому, какъ вашему сословію, а также и россійскимъ беллетристамъ (не всѣмъ); они сохранились, быть можетъ, даже укрѣпились, хотя и не всегда подъ своей подлинной этикеткой. Вы хвалитесь, что будущій историкъ русской

литературы помянетъ васъ, т. е. ваше сословіе, за ваши подвиги на пользу озаренія Россіи «новымъ свѣтомъ». Я тоже думаю, что помянетъ,—особенно расчитывайте на поминовеніе за разработку женскаго вопроса; только плохіе это будутъ поминки. Во имя вашихъ послѣднихъ выводовъ науки и рефлексовъ съ борьбой за праздность, вы надолго искалѣчили не только нравственный обликъ, но даже наружный образъ русской женщины. Вы, раздаятели «живой воды», развратили ея умъ и растлили ея сердце Въ этомъ умѣ была игривость, — изъ нея сдѣлали блудливость; въ этомъ сердцѣ было увлеченіе,—его превратили въ похоть. Она была способна на жертву,—изъ нея сдѣлали искательницу приключеній; она живо соображала, — ее научили бредить. Полюбуйтесь же на нее: мужская шапка, мужской плащъ, грязныя юпки, оборванное платье, бронзовый или зеленоватый цвѣтъ лица, подбородокъ впередъ, въ мутныхъ глазахъ все: усталость, злоба, ненависть, какая-то глубокая ночь съ отблескомъ болотнаго огня, — что это такое? По наружному виду — какой-то гермафродитъ, по нутру — подлинная дочь Каина. Она остригла волосы, и не напрасно: ея мать такъ мѣтила своихъ гапокъ и палашекъ «за грѣхъ». Она — дѣвушка и готовится стать матерью; но станетъ ли? Какъ знать? подъ сердцемъ бьется ребенокъ, а въ сердце стучитъ предсмертная тоска. Гдѣ же *онъ?* гдѣ?! «Развиваетъ» другихъ или женился на богатой вдовѣ-купчихѣ, и лишилъ невинности гимназистку-падчерицу. Да кто *онъ?* Она и сама не знаетъ, — кто только не развивалъ ее? — Теперь она одна, одна съ могильнымъ холодомъ въ душѣ, съ гнетущей злостью и тоской въ сердцѣ. Ее некому пожалѣть, объ ней некому помолиться, — всѣ бросили. Что-жь, — быть можетъ и лучше: когда умретъ отъ родовъ или тифа, не будетъ скандала на похоронахъ....

Все это, разумѣется, совершалось и совершается не только по гражданскимъ мотивамъ и «для общаго дѣла»; но и на основаніи послѣднихъ выводовъ науки, спеціально взятыхъ, между прочимъ, изъ теоріи половаго подбора, разработанной во вкусѣ «живой воды». Сколько, въ самомъ дѣлѣ, грязи, пошлости, ци-

низма, пущено въ обращеніе какъ выводы, сдѣланные за счетъ теоріи половаго подбора! Можно подумать, что Дарвинъ — не англійскій джентельменъ, а какая-то старая посредница.

Для обращика возьмемъ нѣсколько изъ тѣхъ послѣднихъ выводовъ науки, во имя которыхъ глумились надъ женской стыдливостью, надъ «кисейными барышнями», надъ бракомъ, надъ семейными обязанностями и связями. Наука, видите-ли, доказала, что свободная любовь выше брака, ибо ни къ чему не обязываетъ; что въ половыхъ отношеніяхъ естественная развязность выше общественной обусловленности, и что, слѣдовательно, бракъ—пустая формальность, которою нечего стѣсняться; что взаимная вѣрность и женскій стыдъ—одни предразсудки, недостойные развитой личности, и что склонность оправдываетъ все; что въ недалекомъ будущемъ человѣческій зародышъ искусственно будутъ помѣщать въ корову; что отецъ — самецъ матери, а мать — мокрая квартира на девять мѣсяцовъ, и т. д.

Началась на всѣ лады проповѣдь женской эманципаціи; затянули хоромъ: женщина не должна отдаваться за деньги! Но каждый изъ хористовъ добавлялъ про себя: пусть же отдается даромъ, — вѣдь таковъ настоящій смыслъ всѣхъ этихъ причитаній и тирадъ о безмездности. Понятно, что совмѣстное посѣщеніе курсовъ и лекцій обоими полами являлось неодолимой потребностью дня. Начались толки о равноправности мущинъ и женщинъ въ смыслѣ ихъ *одинаковости*, хотя весь источникъ № 5 именно потому и заигралъ такъ шумно и бурно, что мущина и женщина—неодинаковы.—Любопытно и поучительно здѣсь одно: послѣдніе выводы науки, какими облѣпили галлерею источника, до того затемнили весь смыслъ и погибъ дѣла, что женскій вопросъ очутился рядомъ съ вопросами тактики и стратегіи.

Практика вполнѣ отвѣтила теоріи, и нѣтъ сомнѣнія, между ними было живое взаимодѣйствіе. Начались фиктивные браки, на которыхъ заработалъ не одинъ отставной юнкеръ. Пошли въ ходъ коммуны, конечно, для бо́льшаго удобства въ научныхъ занятіяхъ; но послѣ обработки анатомическаго препарата съ-обща, обыкновенно происходило «срываніе созрѣвша-

го плода». Кажется, плоды срывали даже въ ученыхъ лабораторіяхъ; во всякомъ случаѣ тамъ происходила осязательная подготовка для окончанія на-дому. Научная работа или другое «общее дѣло», напримѣръ, — переводъ книжки, обработка нервной системы таракана,—такова наживка для тѣхъ изъ *товарищей* въ капотахъ и юпкахъ, у которыхъ уцѣлѣло какое нибудь чувство стыда и приличія. Кукшина, правда, отдавалась безъ наживки; но она была ужь zu faul; съ этой стороны радѣтели женскаго вопроса имѣли острое чутье и точную расчетливость: посвѣжѣе и помоложе, а главное,—не за деньги. Мимоходомъ,—что сталось съ Кукшиной? Навѣрное, нашла какого нибудь бѣлаго бычка-дураковатаго мужа, держитъ вдохновляющій салонъ и ведетъ переписку съ вѣрой павловной.

Скоро объявилась какая-то образцовая пара, составленная по всѣмъ требованіямъ руководящихъ началъ женскаго вопроса. Пара собственнымъ примѣромъ показала и доказала всѣ пріятности свободнаго чуства, т. е. удобства поштучности, превосходства срочности до усмотрѣнія надъ безсрочностью до могилы, запятность поперемѣнности и монотонность постоянства. Восхищеніе всеобщее, одобреніе полное: новыя начала во-очію всѣхъ утверждены и доказаны путемъ точнаго опыта. Послѣ успѣховъ, пожатыхъ на мѣстѣ, пара отправилась въ окружныя путешествіи,—вышла какая-то подвижная выставка свободной любви; вездѣ овація, удивленіе и ... подражаніе. Гдѣ только проѣхала пара,—дымъ коромысломъ: сундуки взломаны, гардеробы опустошены; на-скоро составились новыя пары и понеслись на всѣ четыре стороны свѣта,—кто по чугункѣ, кто на перекладныхъ, иные на обывательскихъ,—иногда до первой станціи, гдѣ пара распадалось, отвѣдавши «живой воды». Куда пара не достигала, достигла молва; скоро сложилась особая легенда и лавиной покатилась по русской землѣ, увлекая встрѣчныхъ на путь «новаго слова». Совсѣмъ Абеляръ съ Элоизой! Но отъ этого абеляра разитъ отставнымъ вахтеромъ изъ мелкопомѣстныхъ; но эта элоиза—все та же русская гуляющая барыня, готовая промѣнять мужа хоть на плѣшнаго баши-бузука:

такъ она крѣпко любитъ и высоко цѣнитъ.... разнообразіе.

Никого не смущаютъ и не поражаютъ тѣ обыденные случаи дѣйствительной жизни, гдѣ, отрѣшившись отъ *предразсудковъ*, на аренѣ «коммунальнаго брака» и свободной любви подвизаются прокуроры, адвокаты, чиновники всѣхъ вѣдомствъ и ранговъ; но подвизаются не по-старому, а съ надлежащими ссылками на послѣдніе выводы науки и на виду всего общества, нарочно вызываемаго на вниманіе. Никто не отворачивается отъ судей, которые сводничаютъ своихъ дочерей съ женатыми мущинами, и за приличное вознагражденіе сами редактируютъ контракты о наложничествѣ подъ видомъ поступленія дочери въ экономки. Оно вѣрнѣе: любовь—эфиръ; а контрактъ, заряженный крѣпкой неустойкой въ пользу родителя, стоитъ револьвера. Хороша эта молодая дѣвушка, что спрашиваетъ медика,—не взять ли ей для здоровья мущину. Но хороши и тѣ отцы, что растлѣваютъ своихъ дочерей, не стѣсняясь предразсудками, забракованными съ точки зрѣнія обрусѣвшей теоріи половаго подбора. Эти факты не аномаліи,—нѣтъ, въ провинціальныхъ городахъ они—повседневныя явленія, а въ столицахъ къ нимъ и подавно привыкли.

Вездѣ помагаетъ ваша «живая вода» изъ всѣхъ пяти источниковъ, и ея пользительныя качества въ дамскомъ вопросѣ сказались вполнѣ: вмѣсто олицетворенной совѣсти мущины,—чѣмъ должна быть женщина,—вы дѣлаете изъ нея воплощеніе нечистой совѣсти вашего сословія, пугливо оставившей своихъ обладателей.

Впрочемъ, есть и другое средство наблюдать формы и нравы общественной жизни,—это беллетристика. Какова фабула современнаго русскаго романа и русской повѣсти? Торжество *склонности* надъ обязанностью, распущенности надъ совѣстью. Въ романахъ *чисто художественныхъ* непремѣнная героиня —замужняя женщина; отъ праздности почувствовала склонность, сначала вообще, на-предъявителя, и потомъ уже, безсильная противъ *чувства*, заводитъ чичисбея и «падаетъ«. Но она падаетъ «фатально», а не отъ собственной пустоты и пошлости. Паденіе здѣсь неизбѣжно, ибо любовь была безпощадная,

неистовая, жестокая, вообще, — такая, для которой непочемъ зубчатые заборы и желѣзныя рѣшетки оконъ третьяго этажа. Герой,—иногда уже отецъ семейства и стальной масти,—мужъ крѣпкій духомъ и рѣдкой отваги. Въ любви и для любви онъ не только полѣзетъ въ каминъ, въ сундукъ, въ шкапъ; но способенъ показаться на дымовой трубѣ, на рынвѣ, на гребнѣ крыши и т. п., короче,—на такихъ позиціяхъ, куда и молодой котъ не махнетъ по первому впечатлѣнію: прежде чѣмъ ступить разъ, два раза подумаетъ.—Для произведеній другой группы, *идейныхъ*, канва иная: вранье, фиктивный бракъ, т. е. кощунство,—сводничество, проживательство по чужому виду, «развитіе», многоточіе, а послѣ многоточія,—несходство въ убѣжденіяхъ и снова свобода. — Все это, конечно, не ново, ибо давно предусмотрѣно въ соотвѣтствующихъ статьяхъ уголовныхъ уложеній. Но за то это не романы, а скорѣе трактаты по физіологіи половой системы; это не столько повѣсти, сколько этюды по акушерству. —

Теперь мы знаемъ главнѣйшіе источники, изъ которыхъ вы, т. е., ваше сословіе, уже около двадцати лѣтъ утоляете «духовную жажду живыхъ душъ».

Чѣмъ же, однако, заявили себя эти «живыя души», опоенныя вашей «живой водой»? Опаиваніе длится уже двадцать лѣтъ; времени достаточно, чтобы вліяніе пойла стало замѣтно. Оно, дѣйствительно, замѣтно: куда только проникла цѣлительная влага живой воды и насколько она проникла,—вездѣ повальное скудоуміе, растраты суммъ, упраздненіе различія между своимъ и чужимъ, обольщеніе женщинъ, развращеніе недорослковъ, ложь, клевета, шантажъ, неуваженіе къ закону, презрѣніе къ чужой личности съ ея правами и добрымъ именемъ, и т. д. Въ старину, т. е., при крѣпостномъ правѣ, все это творилось само собой, безъ возведенія въ «научные» принципы, безъ опоры на» «послѣднее слово науки», и потому иногда вздрагивала спавшая совѣсть, не пропитая въ источникѣ № 2. Еще счастье, что далеко не всюду достигаетъ «живая вода»; иначе,—не уцѣлѣло бы ни одно изъ тѣхъ психическихъ условій, безъ которыхъ невозмо-

женъ никакой прогрессъ, никакой гражданскій и государственный порядокъ.

Но далеко не всѣ за утоленіемъ жажды обращаются къ источникамъ вашей живой воды. Масса русскаго народа не идетъ и не пойдетъ къ этимъ источникамъ; даже въ интеллигентныхъ классахъ большинство обоего пола не на вашей сторонѣ. Это большинство составляютъ тѣ, которымъ доступны источники иные: европейская наука, поэзія, искусство, вся цивилизація Европы съ ея общественнымъ и политическимъ строемъ, съ ея нравами и понятіями, съ ея дисциплиной, наложенной на того звѣря, который извѣстенъ подъ именемъ первобытнаго человѣка. Туда-то лежатъ симпатіи и той «казенной», «мундирной науки», которую вы такъ не любите, и понятно за что не любите: она не помогаетъ вашему дѣлу—удержать практику крѣпостныхъ повадокъ, а если можно,—то пойти назадъ еще дальше, до полной натуральности. «Заправская наука» указываетъ иную цѣль: *впередъ и подальше отъ натуральности*; а хранители и представители русской науки, т. е., *университеты*, за время дѣйствія Устава 1863 г., все же стали на такомъ уровнѣ, куда и пыль вашей «живой воды» перестаетъ досягать. До этого уровня поднимаются всѣ тѣ, кто ходитъ въ университетъ для полнаго обученія, а не для одного окончанія курса. Для вашей живой воды сбытъ въ университеты сокращается больше и больше; онъ прекратился бы и совсѣмъ, если бы не заботы разныхъ радѣтелей. Какъ бы то ни было, но глубокія и послѣдовательныя мысли вашего сословія рѣдко имѣютъ,— если имѣютъ,— представителей въ университетахъ, да и такіе рѣдкіе представители могутъ попасть въ университетъ развѣ что фуксомъ,—въ университетѣ они теряютъ почву. Вы чувствуете, что для вашего товара закрывается университетскій рынокъ, что неразборчивыхъ потребителей нужно искать и,—пока можно найти, — въ другихъ мѣстахъ: теперь въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а тамъ, пожалуй, прійдется спускаться до начальной школы, если не ниже,—чуть не до грудныхъ младенцевъ, — и наконецъ,— стать достояніемъ будущей исторіи современнаго русскаго обще-

ства. Васъ, а не насъ, помѣстятъ на «заднемъ дворѣ» этой исторіи, рядомъ съ вашими сподвижниками по духу и цѣли; то-то будутъ любопытныя бесѣды въ царствѣ тѣней! А вѣдь тамъ, навѣрное, распознаете другъ друга и разъясните свои здѣшнія недоразумѣнія. Но пока въ царствѣ живыхъ, — вы неспокойны за свою судьбу, теряете разсудокъ и готовы воображать себя Прометеемъ. Кстати объ этомъ Прометеѣ: когда вы, т. е. вы лично, примѣняете къ себѣ гетевское обращеніе Прометея къ Зевсу,—это выходитъ смѣшно; можно подумать, что издатель журнала, гдѣ вы сотрудничаете, держитъ васъ въ неволѣ; а вы говорите ему грубости, но избрали нѣмецкій языкъ, котораго тотъ, вѣроятно, не понимаетъ.

Но вернемся къ нашему предмету. Какъ бы вы, т. е., ваше сословіе, ни смотрѣли свысока на русскую «казенную науку», тѣмъ не менѣе, вѣрно одно. Въ то время, какъ вы такъ усердно и столько лѣтъ «разрушаете эстетику», раздражаете животные инстинкты, изъ кожи лѣзете, чтобы помѣшать выдѣленію общественныхъ нечистотъ изъ нормальныхъ, здоровыхъ теченій,—распространяете истинное *моральное безуміе*, — въ то самое время русская наука, какова она ни есть, все же дѣлаетъ свое дѣло. Та сумма научныхъ идей съ ихъ примѣненіями, какая уже успѣла проникнуть въ русское общество, вышла отъ насъ, а никакъ не отъ васъ. Не въ редакціяхъ вашихъ журналовъ и не на ихъ страницахъ получаютъ образованіе медики; у насъ, а не у васъ, можно выучиться математикѣ и *научному* естествознанію; у насъ есть гуманитарныя науки, есть политика и право. Вы ничему подобному не учите, а только сбиваете съ толку тѣхъ, кто еще не выучился или выучился плохо, считался въ университетѣ, — по вашему совѣту, — только для окончанія курса. Мы *выучиваемъ* тому, что знаемъ сами, а знаемъ мы во всякомъ случаѣ больше васъ. Вы *развращаете* тѣхъ, кто васъ читаетъ, но развращаете не всѣхъ: не всѣ васъ читаютъ для поученія,— нѣкоторые просматриваютъ для изученія, а многіе для забавы.

Наша наука обстоитъ не такъ, какъ могла и должна бы обстоять; причина здѣсь — рядъ независящихъ обстоятельствъ

и наши прегрѣшенія. Но во всякомъ случаѣ не вы храните залогъ будущаго; нѣтъ, — вы остатки прошедшаго. Насъ, говорите, «выставила исторія»?.... а васъ она не успѣла прибрать. Не мы, а вы — «жертва исторіи»; въ этомъ нѣтъ личной вины, а развѣ несчастье. Потому, ваше слово есть замирающій отголосокъ ветхаго завѣта, а не радующая вѣсть завѣта новаго. Для новаго завѣта вы ненужны и негодны, какъ ненужны и негодны для него ваши партнеры съ которыми вы играете въ чехарду и въ жмурки.

Потому, вы неискренни, когда жалуетесь на извѣстное общее положеніе, какъ на помѣху русской наукѣ въ мундирѣ оказывать вліяніе на общественную жизнь. Помѣха, разумѣется, есть, но не для васъ, и не вамъ на нее жаловаться. Отъ этого положенія въ выигрышѣ вы, а не мы; на него, вѣроятно, вы и расчитывали, когда предприняли свои письма иъ ученымъ людямъ, въ полной увѣренности, что они останутся безъ отвѣта. Практика прежнихъ лѣтъ и вашихъ предшественниковъ по раздаянію живой воды говорила, конечно, въ пользу такой увѣренности.

Все то же извѣстное положеніе дѣлъ, дѣйствительно, связываетъ насъ по рукамъ и по ногамъ, и вы можете глумиться надъ нами до пресыщенія. Къ этому мы уже давно привыкли. Но сто разъ хуже то, что мы безсильны создать для университетской молодежи иныя условія и формы жизни. А между тѣмъ, при иныхъ условіяхъ и формахъ, испытанныхъ вѣковой практикой, общество, навѣрное, окружило бы довѣріемъ и любовью ту часть своей молодежи, которая спокойно готовится вступить въ него, способная понять и принять къ сердцу его нравственные, умственные и другіе интересы, сдѣлать ихъ правиломъ своей частной жизни и гражданской дѣятельности. Но мы *не можемъ* этого сдѣлать,— и вотъ опять одинъ изъ тѣхъ частыхъ случаевъ, гдѣ водворяющіе «новую мысль» находятъ себѣ случайныхъ, но и цѣнныхъ и вѣрныхъ союзниковъ.

Вы, собственно, не сила, а количество, но количество знатное: родитесь и множитесь какъ саранча или многоплодный кузька; очевидно, почва и климатъ благопріятны.

Кто между вами отцы, кто дѣти, — разобрать трудно. Но разбирать и не къ чему: существеннаго различія нѣтъ. Что сталось съ дѣтьми конца 50 и начала 60 г.г., выдѣланными на живой водѣ изъ всѣхъ пяти №№? Теперь они въ отцахъ, люди почтенные, свободные отъ предразсудковъ; дѣла не дѣлаютъ, отъ дѣла не бѣгаютъ; охочи проводить товарищество и взаимное довѣріе на-счетъ казны; не терпятъ оправдательныхъ документовъ и враги обязательности; законность считаютъ «канцелярщиной» и «казенщиной«; но за то падки на казенныя квартиры, на спеціальныя суммы, на генеральскій чинъ и всякія отличія по службѣ. Пока были въ дѣтяхъ, любили сочетать «мошенническіе» способы съ «хорошей сущностью дѣла»; но теперь,—состоя въ отцахъ,—ведутъ иную политику: хорошіе способы соединяютъ съ мошеннической сущностью дѣла,—что ужь совсѣмъ пакостно. Большинство читаютъ художественные романы и повѣсти, гдѣ герои—они же. Но чѣмъ тогда отличаются эти отцы новаго пошиба отъ своихъ отцовъ, съ которыми они были во враждѣ въ концѣ 50 г.г.? Существенно ничѣмъ; ихъ вражда, очевидно, была мнимая. Теперь они не враждуютъ, ибо не изъ чего: отцы новой выдѣлки пристроились рядомъ съ отцами стараго затора и съ-общa ведутъ *дѣла*. Но они ведутъ ихъ на свой ладъ: изъ суда сдѣлаютъ балаганъ, изъ государственной службы—доходную статью себѣ и своимъ пріятелямъ, изъ банка,—*свою* общинную кассу и пробу узъ товарищества, и т. д. Потому,—тѣ и другіе одинаково противны; тѣ и доугіе—акробаты надоѣвшей пустой фразы, клоуны избитаго общаго мѣста, забавные скоморохи, иногда, впрочемъ, задорные и злые..... Очевидно, кромѣ отцовъ старой и новой заправки, есть и должна быть другая группа людей, ненавистная для отцовъ; она-то и вынесла на своихъ плечахъ уже выполненныя передовыя реформы нынѣшняго царствованія, съумѣетъ принять на свои руки и другія реформы въ томъ же направленіи. Но отцы обоихъ сортовъ только мѣшаютъ,—тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ даже продолжаютъ по-старому: за-одно съ вами, своими дѣтьми и внуками, усовершаютъ источники «живой воды».

На васъ, т. е., на ваше сословіе съ его дѣятельностью и кліентами, установили невѣрную точку зрѣнія, и съ этой точки зрѣнія съ вами вели и ведутъ борьбу такими средствами, что многимъ,—въ томъ числѣ и нашему сословію,—ничего другаго не оставалось, какъ занять положеніе постороннихъ зрителей. Эта точка зрѣнія взята изъ политики: а средствомъ борьбы, между прочимъ, избранъ особый жаргонъ, неразборчиво составленный изъ техническихъ терминовъ *дѣйствительной* политической жизни, съ ея механизмомъ страстей и партій, дѣйствующихъ открыто, на виду всѣхъ. Такая постановка дѣла была на-руку однимъ и другимъ. Одни становились *во-главу* чего-то, выступали въ окраскѣ искусственныхъ мастей, усвоили себѣ извѣстныя аллюры и т. д. А другимъ чрезъ это самое на роль выпадало иное занятіе: посильно охранять, спасать, указывать и проч., однимъ словомъ,—bien mériter de la patrie.

Во всемъ этомъ была фальшь отъ начала до конца; но она мѣшала разглядѣть сущность дѣла, опредѣлить противниковъ по ихъ надлежащему качеству, замѣтить одинаковость ихъ подлинныхъ цвѣтовъ. Очевидно, необходима иная, вѣрная точка зрѣнія, и если ужь нужна борьба,—она можетъ и должна быть ведена совсѣмъ инымъ средствомъ. Эта *иная* точка зрѣнія—*историко-психологическая*,— если угодно, — *общественно-психіатрическая*, и никакъ не политическая; это *иное* и болѣе вѣрное средство борьбы — полное освѣщеніе и выясненіе явленій, близкихъ между собою по времени, причинно-связанныхъ по ихъ взаимной обусловленности, хотя и различныхъ для поверхностнаго взгляда. Но при такой постановкѣ разлетается весь миражъ обманчивыхъ фигуръ и призрачныхъ сочетаній. Оказывается, что вы,—какъ и ваши противники, съ которыми до сихъ поръ у васъ бывали оперные турниры,—родились и выросли на одной и той же почвѣ; что вы—лишь продукты незаконченныхъ разложеній здороваго, но остраго историческаго процесса, а не зачатки какихъ-то новыхъ формацій, да еще опасныхъ. Если же такъ,—тогда и выходъ изъ борьбы съ вами найденъ: разложенія окончатся сами собой и тѣмъ скорѣе, чѣмъ меньше ихъ бу-

дутъ задерживать и тревожить. И въ животномъ организмѣ «цѣлительная сила природы» нерѣдко дѣйствуетъ успѣшнѣе, чѣмъ различныя искусственныя мѣры; отъ такихъ мѣръ часто образуются незалѣчимыя, злокачественныя язвы. —

Пора, однако, кончить; но въ заключеніе — два-три личныхъ объясненія.

По вопросу изъ литературы политической экономіи вы побиваете меня какой-то лубочной сказкой, которой, впрочемъ, никогда не видали. Другихъ,—напр., въ области философіи, соціологіи и проч., вы, вѣроятно, тоже побиваете лубочными сказками, которыхъ ни видали. Плохое орудіе эти лубочныя сказки, да еще извѣстныя по однимъ слухамъ.

Въ долгу я остаюсь предъ вами по одному пункту. Не зная меня лично, вы обозвали меня милордомъ. Я тоже васъ лично не знаю, и потому,—въ правѣ нарисовать себѣ вашъ обликъ по своему вкусу; но кличку считаю излишней, хотя такая для васъ есть, и не одна.

Наконецъ,—въ обмѣнъ на одинъ вашъ вопросъ, обращенный ко мнѣ, но рѣшенный безъ моего вѣдома,—я тоже предложу вамъ одинъ вопросъ, но рѣшу его самъ. Вы спрашиваете, чѣмъ я торгую? Заграничнымъ товаромъ,—не всякимъ, конечно, а лишь дозволеннымъ къ провозу; что же дѣлать,—не я составлялъ таможенныя правила. Товаръ, быть можетъ, не самаго высшаго сорта, но все же доброкачественный, полезный и нужный,—какъ разъ—marchandise-marchande; лавка простая и скромная,—для торговли предметами первой необходимости другой и не нужно. Ну, а на вашемъ красно-пестромъ лоткѣ что за товаръ?... Э?!.... Такъ я за васъ скажу: подъ мѣткой иноземныхъ издѣлій новѣйшаго фасона, вы торгуете отечественнымъ старьемъ: тряпками и битой посудой, не прибранными послѣ 19 февраля 1861 г.,

Одесса,
1878 г.
Сентября 8.

Цѣна 30 коп.

Складъ изданія въ Одессѣ, въ книжныхъ магазинахъ
Бѣлаго и Распопова.